

За пределами внутренних покоев Цзян Хуайли всегда стояла стража, однако после наступления темноты один человек бесшумно проник в его комнату.

За те несколько лет, что он служил компаньоном для учебы Четвертого принца, Цзян Хуайли успел узнать: тот начал содержать собственных тайных стражей и смертников еще с шести лет. Вероятно, остальные принцы поступали точно так же, и Император закрывал на это глаза, а иногда даже сам жаловал им по одному или два человека.

По настоянию Благородной госпожи Чжаожун Четвертый принц тогда выделил Цзян Хуайли личного тайного стража — того самого, что сейчас стоял перед ним и звался Цзян Ин.

Цзян Ин уже довольно долго находился в комнате, но Цзян Хуайли так и не произнес, зачем приказал ему прийти.

Он сидел в полумраке, окутанный лунным светом. Его профиль, чистый и ослепительно-белый, казался выточенным из камня. Погруженный в раздумья, он привычно прикрыл веки, удерживая на лице лишь тонкую полоску холодного лунного сияния.

Хозяин молчал, и тайный страж просто стоял там, разделяя с ним этот долгий период тишины.

Так продолжалось, пока снаружи не скрипнула дверь — это Цзян Ань встал посреди ночи.

Цзян Хуайли перевел взгляд на окно, дожидаясь, пока тот вернется в свою комнату, а затем махнул рукой:

— Уходи.

Цзян Ин, не задавая лишних вопросов, исчез.

Когда они оказались посреди коридора у озера, Цзян Хуайли внезапно остановился.

Даже когда евнух вел их к Императору, тот продолжал шепотом произносить слова, которые на первый взгляд казались невинными, но на деле разили прямо в сердце.

Цзян Хун обеими руками вцепился в пояс на своей шее, его ноги беспомощно дрыгались в воздухе, а изо рта вылетали пузыри воздуха.

Если он решил прекратить это — значит, у него были на то свои причины.

Цзян Хаоянь, уже сделавший было шаг вперед, замер:

— Просить у Императора прощения? За вчерашнее?

— Да, — ответил Цзян Хуайли. — Если отец не верит, позволь Цзян Хуну пойти со мной.

Евнух не успел толком понять, что произошло, как оба борющихся человека перевалились через перила и рухнули в воду.

Цзян Хуайли в недоумении повернул голову, и тут же получил звонкую пощечину.

— Я долго терпел тебя, не вынуждай меня. Замолчи. — Лицо Цзян Хуайли, обычно такое прекрасное, сейчас выглядело мрачным и напряженным, а в глазах, казалось, назревало что-то темное и разрушительное.

Путь от ворот дворца до Дворца Юйсяо пролегал мимо Озера Лунсинь. Это был самый большой и глубокий водоем во всем Императорском дворце, а можно сказать — и во всей столице. Вода в нем была темной и неподвижной, а по периметру тянулись крытые коридоры с резными перилами.

Цзян Хуайли:

— Я хочу войти во дворец и просить у Императора прощения.

Он знал, что этот изящный и утонченный лучший выпускник Академии Цзи вовсе не был мягкосердечным человеком; ради достижения своих целей он был способен на многое.

Он действительно был крайне занят. Обычно на подготовку свадьбы принца уходило три месяца, в крайнем случае — один, но до свадьбы Ван Ланя оставалось всего пятнадцать дней, и один из них уже прошел. Все Министерство ритуалов сходило с ума от нагрузки.

На следующее утро Цзян Хуайли отправился искать Цзян Хаояня.

Цзян Хуайли едва заметно усмехнулся, и на его лице появилось выражение такого презрения, что Цзян Хун не смог его вынести.

— Цзян Хуайли, ты меня ударил? — в неверии воскликнул Цзян Хун.

— Цзян Хуайли! — Цзян Хун в ярости бросился на него с кулаками.

Цзян Хун сейчас пользовался огромным доверием Цзян Хаояня и обожал сопровождать его во дворец. Он уже был представлен Императору и посещал Академию Цзи, так что поход с ним для покаяния перед Императором не должен был стать проблемой.

Его шею стянул пояс, сжатый рукой Цзян Хуайли.

Как он и ожидал, Цзян Хаоянь дал согласие, а Цзян Хун был просто в восторге.

Система: Хозяин, будь осторожен, дворец — не то место, где можно вести себя как снаружи.

Он открыл глаза и, приложив усилия, скосил взгляд: прямо рядом с его головой в воде разметались длинные волосы Цзян Хуайли. Его профиль был безупречно красив, но в глубине длинных глаз застыл ледяной мрак.

Но он не мог пошевелиться, а удушье становилось всё невыносимее.

Система постоянно твердила об осторожности, но Цзян Хун находил ее донельзя скучной и не желал больше слушать.

Он понял, что Цзян Хуайли действовал обдуманно, хотя ему и было любопытно, зачем тот позвал его, а потом передумал.

Единственным утешением было то, что обычно при крупных свадьбах их ведомству приходилось бегать между домами жениха и невесты, а в этот раз — только в один дом. Хотя он предпочел бы избежать и этого удобства.

Цзян Хун и евнух застыли в оцепенении: они были потрясены тем, что Цзян Хуайли решился поднять руку на человека, да еще и прямо во дворце.

— Так ты ударил меня по лицу? — Цзян Хун не мог отпустить эту мысль. Удар был настолько сильным, что его лицо перекосило, щека горела огнем, а вместе с ней — и его уязвленное самолюбие.

Цзян Хун уже привык к такому поведению Цзян Хуайли и, продолжая самодовольно рассуждать, сказал:

— Стоит ли так полагаться на меня, второй дядя? Ведь ты — его родной сын.

Он повернулся к Цзян Хуайли и с улыбкой добавил:

— Кузен, даже когда ты идешь просить прощения у Императора, второй дядя позволяет мне сопровождать тебя.

Цзян Хун решил, что Цзян Хаоянь доверяет ему и намеренно дает возможность продвинуться, создавая поводы для встреч с Императором, и теперь пребывал в отличном расположении духа.

Цзян Хаоянь как раз собирался с докладом к Императору. Он велел им ждать снаружи, пообещав, что, закончив дела, сам замолвит словечко о покаянии.

Цзян Хун болтал без умолку, с таким же воодушевлением, как когда-то в начальной школе, узнав, что папа одноклассника бросил его с мамой ради другой женщины, — он мог рассказывать об этом часами, не уставая ни на минуту.

Цзян Хаоянь поднялся до рассвета и уже собирался уходить:

— Обсудим всё вечером, сегодня я очень занят.

— Хлоп!

Цзян Хун: Если бы только удалось встретить Императрицу, у меня появился бы еще один могущественный покровитель.

— Господин Цзян! Спасите! Спасите! Кто-то упал в озеро!

— Впрочем, поговаривают, что в последнее время второй дядя не очень доволен кузеном и держится от него отстраненно.

Цзян Хуайли промолчал.

В момент падения в воду Цзян Хун инстинктивно закрыл глаза и, подчиняясь инстинкту самосохранения, раскинул руки, даже не умея плавать.

Он хотел сказать, но не мог — в голове лишь хаотично кричал Системе: — Быстрее, спаси меня! Он хочет убить меня! Это было намеренно! Ничего, что он убьет меня, у него ведь есть аура главного героя — спаси меня!

Цзян Хун понял: внезапный удар и брань Цзян Хуайли были лишь предлогом, чтобы создать видимость ссоры и последующего случайного падения в воду.

Он выбрал самое уединенное место в центре коридора. Здесь коридор был длинным, и страже потребовалось бы время, чтобы добраться до них.

Входить во дворец с оружием или подозрительными предметами было запрещено, поэтому он предусмотрительно подготовил крепкий пояс.

Он вынашивал этот план, чтобы убить его на дне озера!

Цзян Хун знал, что если он погибнет, аура главного героя вернется к Цзян Хуайли, и тому ничего не будет.

Жестокое сердце у этого Цзян Хуайли!

Он не желал сдаваться.

Он ведь уже почти...

Сознание Цзян Хуна постепенно меркло. Он слышал, как Система в панике взывает к нему: — Держись! Тяни пояс! Сейчас удача главного героя на твоей стороне, с тобой всё будет в порядке!

Система тоже злилась, и причина ее гнева была в нем самом: — Я же говорила тебе, что нужно опасаться главного героя! Он не жил в обществе равных прав, он прошел через войну. Почему ты не слушаешь?

Цзян Хун действительно проявил самоуверенность. Его мышление было ограничено миром, в котором он жил раньше, он не смог до конца приспособиться к этой рабовладельческой древности. Будучи представителем привилегированного класса, Цзян Хуайли всегда смотрел на него сверху вниз, считая ничтожеством, — как он мог подумать, что тот не решится на прямое убийство?

Он осознал всю жестокость этого книжного мира, осознал свою спесь, но было уже поздно.

Голос Системы стих.

Слезы текли по его лицу, и когда он был готов сдаться под гнетом удушливой боли, пояс на шее внезапно ослаб.

Несколько стражников нырнули на дно, чтобы спасти его.

— Ох! Наконец-то вытащили! Господа, вы живы? Что же здесь произошло?

И Цзян Хуайли, и Цзян Хун были извлечены из воды. Евнух, сопровождавший их, поспешил к кашляющему Цзян Хуну:

— Ой, господин, а что это у вас на шее...

Увидев след, он тут же осекся, отвел взгляд и пробормотал:

— Я позову лекаря.

Стражники подняли их на поверхность: один побежал докладывать Императору, остальные окружили берег, опасаясь новых стычек.

Выбравшись из воды, Цзян Хун продолжал кашлять, заливаясь слезами, но на лице его проступил хриплый смех человека, избежавшего смерти:

— Ха-ха-ха! Кхе-кхе... Я жив! Ха-ха-ха!

Он с ненавистью посмотрел на Цзян Хуайли и, когда кашель немного утих, прохрипел:

— Цзян Хуайли, ты хотел убить меня, но не смог! Ха-ха!

Ужас недавней смерти и восторг от чудесного спасения смешались в безумную ненависть. Он сидел на земле, вцепившись в воротник Цзян Хуайли.

Они сидели, прислонившись к перилам, и из-за того, что он сжимал воротник, их лица оказались совсем близко. Искажённое лицо Цзян Хуна, блестящее от воды, было в паре дюймов. Он прижался к уху Цзян Хуайли и прошипел тому, кто чуть не лишил его жизни:

— Ты знаешь почему?

Лицо Цзян Хуайли выглядело ещё бледнее, чем у Цзян Хуна. Он о чём-то задумался, и когда поднял голову, вода стекала по его подбородку, делая его вид уязвимым, но взгляд оставался прежним.

Цзян Хун больше всего ненавидел этот взгляд: тот вечно терпел поражение, но словно неубиваемый таракан — никогда не ломался.

— Потому что я — главный герой этого мира! А ты кто такой? Ты всего лишь ступенька, инструмент для главного героя!

Взгляд Цзян Хуайли дрогнул. Он посмотрел на него сквозь мокрые ресницы:

— Главный герой?

Система в голове Цзян Хуна взмолилась: — Хозяин, замолчи!

Цзян Хуну было трудно замолчать, но страх смерти всё ещё жил внутри него. Он усвоил урок и, перестав быть таким самонадеянным, лишь сказал:

— Да, я — любимчик небес. Что бы я ни делал, небеса на моей стороне. Тех, кто идет против меня, ждет печальный конец — как тебя, например.

Цзян Хуайли, однако, зацепился за слова о главном герое.

С детства он пересмотрел немало представлений, переслушал массу арий — и во дворце, и в народе. В драмах были главные герои, второстепенные персонажи, комические и женские

амплуа.

Он понимал значение слова Главный герой — человек, вокруг которого развиваются события пьесы. Если заменить главного героя пьесы на главного героя мира... хоть это и звучало дико, за последний год он повидал немало странностей, так что отчасти мог уловить суть.

Он изучал Цзян Хуна больше полугода и неплохо его знал. То, что вырвалось у того в порыве чувств, нельзя было принять на веру полностью, но это точно не было пустым звуком.

Капля воды скатилась с надбровной дуги прямо в глаз, и его взгляд стал влажным и холодным.

Вспоминая всё, что он потерял за этот год, каждое усилие, обернувшееся неудачей, каждое мгновение, когда надежда сменялась бездной, он усмехнулся:

— Только потому, что ты — главный герой?

Цзян Хун был поражен его взглядом, и как раз в тот момент, когда он хотел ответить, к ним подбежали евнухи и стражники.

Попытка Цзян Хуайли убить Цзян Хуна во дворце была серьезным преступлением. Цзян Шаогуан, Цзян Хаоянь и другие старейшины клана Цзян, служившие в столице, прибыли немедленно.

Император уже выслушал доклады стражи и евнухов.

Когда они подошли, Цзян Хуайли стоял на коленях, а Цзян Хун, держась за шею, стоял рядом с обиженным видом и слабо поздоровался с ними.

Император сидел с мрачным лицом. Евнух Ли кратко пересказал им суть случившегося.

Они еще не успели прийти в себя, как Император, слушая, вновь разгневался и швырнул чайную чашку прямо к ногам присутствующих:

— Хорошо же вы воспитали детей в клане Цзян! Прямо во дворце он пытается убить собственного кузена! Вы совсем не ставите Меня ни во что!

Четверо мужчин разом рухнули на колени.

Император долго не мог успокоить дыхание, а они не смели поднять голов.

Первым заговорил Цзян Шаогуан, дед Цзян Хуайли, самый авторитетный человек в клане. Он глухо произнес:

— Цзян Хуайли не уважает Его Величество и посягает на жизнь сородича. Его вина велика, пусть Император поступит по своему усмотрению.

Пальцы Цзян Хуайли дрогнули, но он остался стоять на коленях, не шевелясь.

— Отец? — Цзян Хаоянь удивленно поднял голову, считая, что это неуместно: как-никак Цзян Хуайли был его сыном, и если Император вынесет суровый приговор...

— Ты еще хочешь просить за этого негодника? Он поднял руку на своего же собрата, и где — в Императорском дворце! — в гневе воскликнул Цзян Шаогуан. — У меня нет такого внука!

Другие старейшины клана Цзян тоже не остались в стороне. Старший дядя Цзян Хуайли, помрачнев, поклонился Императору:

— Отец прав. Хуайли потерял всякий стыд, его нельзя не наказать.

А другой дядя, служивший в Великом судебном приказе, праведно добавил:

— Мы не можем проявлять снисходительность только потому, что он наш сородич. Если мы выгородим такого человека, наш клан покроет себя позором. Прошу Ваше Величество наказать его по всей строгости закона.

От слов троих мужчин лицо Цзян Хаояня становилось всё мрачнее. Он тоже ударил челом перед Императором:

— Ваше Величество, я не смог должным образом воспитать его и не смею смотреть Вам в глаза. Поступайте так, как сочтете нужным.

— Вы что, хотите, чтобы он умер?! — внезапно раздался гневный, пронзительный женский голос.

— Благородная супруга, Благородная госпожа Чжаожун.

Цзян Хун был в восторге. Кто бы мог подумать, что здесь окажутся не только четыре самых влиятельных человека клана, но еще и Благородная супруга с Благородной госпожой Чжаожун.

Стоит заметить, что Благородная госпожа Чжаожун была женщиной, которую Цзян Хуайли уважал больше всех в мире, не считая матери. И то, что ее заставили судить его — было просто прекрасно.

А Благородную супругу он давно хотел «разблокировать». Именно она, Благородная госпожа Чжаожун, взволнованно указывая то на Цзян Хаояня, то на других троих, спросила, хотят ли они смерти Цзян Хуайли.

Кто скажет, что это невозможно?

Цзян Хун с азартом наблюдал за происходящим. Он чувствовал, что Благородная госпожа Чжаожун озвучила мысли как минимум двоих из присутствующих.

Он прекрасно знал из книги, что клан Цзян, вышедший из среды ученых и чиновников, был самым уважаемым родом среди всех знатных семей Дашэна, и превыше всего они ставили лицо и чистоту репутации.

Цзян Хуайли был главным объектом их инвестиций в этом поколении, фактически «лицом» клана, а теперь ему предстояло выйти замуж за Ван Ланя в качестве супруга-мужчины. Для многих из них он, возможно, действительно был бы полезнее мертвым, чем живым.

Третий месяц весны. В Императорском саду расцветали цветы, и палящее солнце заливало всё вокруг светом, словно картина, сотканная из жизненной силы и тепла.

Цзян Хуайли стоял на коленях в самом центре этого сада.

Отец, дед, дядя, Император, Благородная госпожа Чжаожун — те, кого он уважал всю свою жизнь, — теперь судили его, обнажая свою неприязнь и даже желая ему смерти.

Цзян Хуайли оставался неподвижен. Его веки были опущены сильнее, чем обычно, почти закрывая глаза. Цзян Хун наконец-то, наконец-то увидел на его лице явную скорбь.

Как он мог не ликовать?

Он прошептал Системе: — Так ему и надо! Он посмел напасть на меня, и вот наконец-то сломался! Ха-ха-ха!

Благородная госпожа Чжаожун продолжала допрашивать Цзян Хаояня, пока не произнесла фразу:

— Прямо как я в свое время.

Император наконец помрачнел:

— Благородная госпожа Чжаожун, следите за своими словами.

Благородная супруга поспешила ухватить ее за руку:

— Сестра, не говори глупостей.

Затем она взглянула на Императора, ослепительно улыбнувшись:

— Ваше Величество, не гневайтесь. Не слушайте слова этих господ из клана Цзян, ведь это была лишь ссора между братьями. Господин Цзян через десять с небольшим дней должен сочетаться браком с Ван Ланем, это...

Император молчал. Он взял чашку чая, которую поднес евнух Ли, и медленно пил, погруженный в глубокие думы. Даже допив до дна, он не проронил ни слова.

Система некоторое время пристально смотрела на Императора, а затем на Цзян Хуайли.

Цзян Хуайли чуть склонил голову. Его глаза были открыты, взгляд был устремлен куда-то вперед, в шаг от Императора.

Густые ветви ив раскачивались на ветру, и листва отбрасывала на его лицо причудливые, движущиеся тени. В игре света и тени его глаза, лишенные лишних эмоций, казались глубокими и спокойными.

У системы не было сердца, но в этот миг она почувствовала нечто вроде резкого толчка:

— Хозяин, нас обманули. Цзян Хуайли вовсе не собирался тебя убивать!

<http://bllate.org/book/21320/2163029>